

ISSN 0869-6063

Номер 3

Июль - Август - Сентябрь
2001

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

Главный редактор
В.И. Гуляев

<http://www.maik.ru>

“НАУКА”

МАИК “НАУКА/ИНТЕРПЕРИОДИКА”

Российская академия наук
Институт археологии

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 3 2001

Журнал основан в январе 1957 г.
Выходит 4 раза в год

Редакционный совет:

Р.М. Мунчаев (председатель),
Т.И. Алексеева, А.П. Деревянко, Ю.Ф. Кирюшин,
В.П. Любин, Н.Я. Мерперт, В.И. Молодин, М.Г. Мошкова,
Е.Н. Носов, А.Д. Пряхин, Б.А. Рыбаков, В.В. Седов,
А.А. Формозов, А.И. Шкурко, В.Л. Янин

Редакционная коллегия:

В.И. Гуляев (главный редактор),
Х.А. Амирханов, Л.А. Беляев (зам. главного редактора),
А.Н. Гей, И.С. Каменецкий, Г.А. Кошеленко,
Н.А. Макаров, В.С. Ольховский (ответственный секретарь),
Е.Н. Черных

Заведующая редакцией
Т.С. Волкова

Адрес: 117036, Москва, Дм. Ульянова, д. 19
Телефон 124-34-42

Москва
Издательство "Наука"
Международная академическая
издательская компания "Наука/Интерпериодика"

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 3, 2001

К вопросу о культовых постройках халафской культуры <i>Т. В. Корниенко</i>	5
К истории горно-металлургического производства Колхиды <i>Г. В. Инанишвили, В. Г. Майсурадзе, Г. Г. Гобеджишвили, Т. П. Муджири</i>	18
К истокам скифского искусства: происхождение мотива свернувшегося хищника <i>Ю. Б. Полидович</i>	25
Ранняя Тверь по письменным и археологическим данным (по материалам из раскопок в Тверском кремле) <i>Н. В. Жилина</i>	35
Абсолютная дендрохронологическая шкала Твери XII–XV вв. <i>Н. Б. Черных, А. А. Карпунин</i>	46

Публикации

Погребения на стоянке Караваяха <i>А. В. Уткин, Е. Л. Костылева</i>	55
Новые вазы “керченского стиля” в собраниях крымских музеев <i>И. И. Вдовиченко</i>	67
К вопросу о позднескифских зольниках <i>Т. Н. Высотская</i>	77
Детали литых наборных поясов предсалтовского времени с “перевязанной” пальметтой из Болгарии <i>Б. Иванов, О. Пелевина</i>	88
Тюркское святилище Сугдеи <i>И. А. Баранов, В. В. Майко</i>	98

Заметки

Новые находки каменных образков и матрицы прикладной печати из Вологды и Белоозера <i>Н. А. Макаров, А. В. Суворов</i>	111
Образок Святого Матфея с перегородчатой эмалью <i>В. И. Кошман</i>	118

История науки

Из истории отечественной археологической науки (несостоявшийся судебный процесс 1935 г.) <i>А. Ю. Ватлин, А. Р. Канторович</i>	123
---	-----

Критика и библиография

Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII–II веков до н.э. Саратов, 1999 <i>А. А. Мальшев</i>	132
Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII–II веков до н.э. Саратов, 1999 <i>А. П. Абрамов</i>	137
Медынцева А.А. Грамотность в Древней Руси. По памятникам эпиграфики X – первой половины XIII века. М., 2000 <i>В. П. Даркевич</i>	144

Arnis Radiņš. 10.–13. gadsimta senkapi latgalu apdzīvotajā teritorijā un Austrumlatvijas etniskās sociālās un politiskās vēstures jautājumi. Rīga, 1999 <i>V. V. Седов</i>	150
Кольцов Л.В., Жилин М.Г. Мезолит Волго-Окского междуречья (памятники бутовской культуры). М., 1999 <i>А. Н. Сорокин</i>	154

Хроника

Международная конференция “Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы евразийской степи и лесостепи” (Воронеж, 2000) <i>А. Д. Пряхин, Е. Ю. Захарова</i>	163
Конференция “Русь в XIII веке: континуитет или разрыв традиций?” (Москва, 2000) <i>В. Ю. Коваль</i>	168
50-летний юбилей Хакасской археологической экспедиции <i>И. Л. Кызласов, Л. П. Мылтыгашева</i>	172
40-я региональная археолого-этнографическая студенческая конференция (Новосибирск, 2000) <i>А. Ю. Борисенко, Ю. С. Худяков</i>	182
Памяти Натальи Григорьевны Горбуновой (1927–2000) <i>Б. И. Маршак, Н. К. Качалова, Г. А. Брыкина, В. И. Козенкова</i>	184
Памяти Владислава Серафимовича Долгорукова (1940–2001) <i>Группа товарищей</i>	188
Правила для авторов	190

МОНАХОВ С.Ю. ГРЕЧЕСКИЕ АМФОРЫ В ПРИЧЕРНОМОРЬЕ. КОМПЛЕКСЫ КЕРАМИЧЕСКОЙ ТАРЫ VII–II ВЕКОВ ДО Н.Э.

Саратов, 1999. 680 с.

Изучение амфор – керамической тары и керамических клейм античного мира – всегда являлось приоритетным направлением советской и российской классической археологии. Достаточно вспомнить работы Е.М. Придика, Б.Н. Гракова, Т.Н. Книпович, И.Б. Зеест, Д.Б. Шелова, Ю.Г. Виноградова, И.Б. Брашинского, Н.А. Лейпунской, В.И. Каца и многих других исследователей. Одновременно формировалась и американская школа, основательницей которой по праву считается В.Р. Грейс. В настоящее время данное направление развивается очень интенсивно. Только для того, чтобы осветить основные тенденции и направления развития “амфорологии” потребовалось специальное издание (“Bulletin archeologique: amphores et timbres ampriques”). С 1987 по 1996 гг. в нем учтено 437 работ, причем список далеко не полный. В 1994 году в Стамбуле проходил Второй конгресс по изучению амфор, труды которого увидели свет только в 1999 году. Столь длительный срок издания сделал данный сборник в значительной своей части “морально” устаревшим, так как одновременно или несколько ранее увидели свет коллективная монография Р.М. Кука и П. Дюпона (Dupont, 1998) и работа С.Ю. Монахова, частично опубликованные в трудах стамбульского конгресса (Dupont, 1999; Monachov, 1999).

Данное вступление к рецензируемой работе отнюдь не случайно. П. Дюпон, основываясь на типологическом анализе эволюции амфор каждого отдельно взятого центра производства, анализе глины, как амфор, так и расписной керамики, сходства профилированных деталей амфор и расписной ионийской керамики, а также используя данные последних лет раскопок по массовому амфорному материалу основных винопроизводящих и маслопроизводящих центров, представил достаточно убедительное обоснование локализации нескольких центров производства, включая такие как Самос и Милет. Вышедшая одновременно монография С.Ю. Монахова не учитывает этих данных, что достаточно резко снижает ее научный уровень и, что особенно важно, вводит в заблуждение многих полевых исследователей, так как одновременно присутствуют в определениях милетские амфоры “круг Милет–Самос”, по П. Дюпону (Табл. 4. Рис. 1. Табл. 14. Рис. 15–17), ранее обозначившиеся как “протофасосские” (Табл. 16.

Рис. 1–9) или на сложнопрофилированном кольцевом поддоне, производство которых, скорее всего, связано с полисами Северной Греции (Табл. 4. Рис. 4–8); “Самос”, по В. Грейс, центр, локализация которого в настоящий момент не поддается определению, Самос или “самосский круг” для амфоры, скорее всего, представляющей афинскую продукцию, типа найденной в комплексе № 7 : 3 Афинской Агоры (Табл. 28. Рис. 1. Табл. 29, 1) (Boulter, 1953. Pl 39, 147); “Самос”, по И.Б. Брашинскому, относимые в настоящее время к производству Милета (Табл. 36, 1) (Dupont, 1998. P. 175, 217), “Самос” – для группы амфор типа найденной в кургане 4 у с. Рыжановка (Табл. 164, 5. С. 373–374), определение места производства которой нельзя в настоящее время считать установленной.

Сосуды эолийского круга различных типов автор все обозначает как лесбосские, красноглиняные и сероглиняные (С. 600–601). С методической точки зрения это представляется не вполне правомерным. Шесть эолийских полисов располагались на о. Лесбос, еще 12 находились на материке. Не приходится сомневаться, что островные эолийские полисы занимали ведущее положение в области виноторговли, но представляется более правильным, пока не установлена надежная локализация каждого отдельного эолийского центра производства, пользоваться более обобщающей терминологией.

Рецензируемая работа состоит из Введения, восьми глав, Заключения и восьми приложений. К сожалению, объем издания не позволил автору включить главу “Типология амфор ведущих центров – экспортеров товаров в керамической таре” (С. 24. Ссылка 43). Помимо этого в других частях работы отсутствует определение **типа амфоры**. Ввиду этого дальнейшее понимание и критика исследования становится весьма затруднительной.

Второй момент, который вызывает недоумение – это терминология, используемая в данном издании. При обозначении определенного типа, например кийских амфор, появляются типы ПС – “воротничковый” (С. 612) (имеются ввиду амфоры с массивным треугольным в сечении венчиком). Такое же обозначение ввел А.Л. Якобсон для типа амфор X–XI вв. н.э. (Якобсон, 1979. С. 109). Или – П–G “сигарообразный” (С. 613). Все это удивительным образом сочетается с “именной” типо-

логией – тип П–А “хавиарес” (С. 61) (имеется в виду, что рассматриваемый сосуд происходит из коллекции Н. Хавиареса и введен в научный оборот с соответствующей ссылкой В. Грейс) или тип П–Е “эберт”, что подразумевает, что амфора происходит из раскопок М. Эберта Марицинского могильника. Представляется неприемлемым использование в данной ситуации археологического “сленга”. Вместо общепринятого (“амфора типа найденной в кургане 1 у пос. Коломак”) – “коломакский тип” (С. 594) для хиосских амфор или “милетские амфоры Репяховатого типа” (С. 599) (подразумевается милетская амфора из кургана Репяховатая могила).

При описании сосудов и их профилированных частей представляется более правильным использовать геометрические термины (Лейпунская, 1981; Гошев, 1994), которые, хотя и занимают в публикации больше места, позволяют формулировать морфологические признаки, а не оперировать только сравнительными понятиями, которые у каждого человека достаточно субъективны.

Рецензируемая работа С.Ю. Монахова качественно расширяет базу источников для исследования керамической тары рассматриваемого периода. Ее по праву можно считать научным подвигом. Автор вводит в научный оборот колоссальный по объему материал, значительная часть которого публикуется впервые, другая часть – на качественно новом научном уровне (прекрасные прорисовки, описание сосуда, метрические параметры). Автор восполнил пробел, который в свое время образовался из-за недостаточного внимания археологов к богатейшим амфорным коллекциям, происходящим из раскопок.

Несмотря на то что автор ставит целью создание каталогов-определителей целых амфор, при описании редких или уникальных типов, не всегда приводится характеристика глины сосудов, отсутствует ряд важнейших метрических параметров, таких, как высота амфоры (в этом смысле более приемлемой представляется часть работы, опубликованная в трудах конгресса в Стамбуле), размеры профильных частей амфор. На самом деле сделана попытка в одном издании решить сразу две стратегические задачи – публикационную и аналитическую. Но ввиду указанных выше недостатков публикационная задача не может считаться полностью выполненной.

Нельзя не отметить высочайшее качество иллюстративного материала, причем тщательнейшим образом стандартизированного (С. 26). Это предоставляет уникальную возможность пользователю переводить графические изображения в словесно-логическое описание признаков, чем сам автор пользуется крайне редко.

Что касается источниковедческой базы исследования С.Ю. Монахова, необходимо отметить:

музейные собрания России и Украины действительно располагают колоссальными коллекциями античной керамической тары, но, за редчайшим исключением, там хранятся амфорные комплексы в неполном составе. Таким образом, изначально в распоряжении автора оказалась ограниченная информационная база: Ольвия, землянка 1975 года (одна амфора из двух, составлявших комплекс) (С. 37–38); Ольвия, склад 1949 года (всего восемь целых и восемь фрагментированных – сохранилось две амфоры) (С. 54–57); Нимфей, сожжение Д–2 (около двух десятков целых и фрагментированных амфор – осталось 5) (С. 57–60); Ольвия, яма 421–1979 года (5 из 10) (С. 83–87); курган 13 у с. Великая Знаменка (15 из 17) (С. 106–111); Нимфей, склад 1978 года (12 из 50) (С. 125–130); Ольвия, землянка 1979 года (3 из 5) (С. 130–131); Никоний, склад 3 1960 года (7 из 17) (С. 131–135); курган № 3 группы “Мреснота могила” (2 из 3) (С. 139–140); Ольвия, склад № 2 1971 года (сосудов было более 100, целых 9, осталось 5) (С. 140–143); Ольвия, склад 1 1971 года (общее количество неизвестно, 2 из 3) (С. 144–145); Ольвия, яма-ботрос 1979 года (14 целых, 86 фрагментированных, сохранилось 10) (С. 148–153). Всего неполных комплексов в монографии разбирается не менее 60, 39 комплексов известны автору только по публикациям. Значительная часть остальных не содержит целых форм, или амфора, найденная в них, единственная. Таким образом, приводимая автором цифра – 200 известных ему комплексов – не вполне корректна.

С методической точки зрения нельзя понять утверждение С.Ю. Монахова, что “керамические комплексы нельзя считать калькой с реальной картины торгового обмена в древности” (С. 15). С этим утверждением можно было бы согласиться, если речь шла об единичных, не коррелируемых комплексах. Однако амфоры одного типа в сериях находятся в других одновременных комплексах в сериях, при этом типы сосудов различных центров производства находят аналогии в одновременных комплексах. Аналогичное явление наблюдается в предшествующих и последующих по хронологии комплексах, поэтому нельзя за этим не видеть отражения объективной реальности. Вне всякого сомнения, сосуды, ввозившиеся в регион Северного Причерноморья в больших количествах, чаще попадали в комплексы (С. 15).

Понятие “аритмичного” (импульсивного) попадания товаров на причерноморские рынки надо фактически обосновывать, а не исходить из предположения, как из аксиомы. В связи с тем, что наши реальные возможности хронологического определения отдельных амфор ограничены, как правило, четвертью столетия, доказать определенную неравномерность торговых связей не представляется возможным.

Еще более неясен постулат, что керамические комплексы не фиксируют плавной эволюции типов амфор (С. 15). Амфорные комплексы, известные в настоящее время, как раз и фиксируют плавное изменение (эволюцию) амфор отдельных центров производства.

С.Ю. Монахов констатирует наличие нескольких типов и стандартов керамической тары в одном центре производства в один промежуток времени, но в данном случае была бы уместна ссылка на В. Грейс, давно обосновавшую данное положение (Grace, 1949).

Недостаточное внимание автора к относительной хронологии амфорных комплексов приводит к увлечению “узкой” абсолютной хронологической привязкой комплексов. В результате предлагаемые даты не всегда обоснованы.

При анализе комплексов VII–V вв. до н.э. автор использует два основных метода: морфологический, позволяющий наметить тенденцию развития форм, и метод датированных аналогий, дающий основание для установления узкой даты (С. 23). Можно считать доказанным, что в развитии, например, хиосской и фасосской керамической тары, наблюдается развитие стандартов (Абрамов, 1990; 1998). Однако наблюдения за изменением основных метрических параметров, которые рано или поздно определяют стандарт, в работе отсутствуют, при наличии обширнейших приложений с метрическими параметрами.

Это объясняется, на мой взгляд, отсутствием четкого определения типа амфоры. Окончательное заключение по хронологии того или иного комплекса амфор мы можем получить при анализе морфологии каждого отдельного сосуда, его профилированных частей и при учете метрических параметров, с учетом данных керамической эпиграфики для более поздних периодов. Только учет всех перечисленных признаков у всех сосудов в комплексе даст возможность выявить хронологические признаки на больших амфорных сериях и, в конечном счете, более точные выводы о хронологии рассматриваемого объекта. В большинстве случаев подобный детальный анализ в рецензируемой работе отсутствует, что в первую очередь объясняется лимитированным объемом издания.

Нельзя не согласиться с точкой зрения С.Ю. Монахова, что начиная с IV в. до н.э. возможности синхронизации комплексов с использованием данных керамической эпиграфики значительно возрастают. Однако автор не использует возможности синхронизации керамических комплексов, предлагая вместо нее теорию комплексов “чистых” и “нечистых” (Монахов, 1997), в результате чего большинство комплексов амфор Северного Причерноморья оказываются искусственно растянутыми в хронологическом отношении. Представляется правильным, что для определения в широких и

узких рамках самого комплекса важны только стратиграфические наблюдения и наблюдения по характеру формирования данного комплекса, получаемые в ходе археологических исследований. К последующему хронологическому анализу материала необходимо привлекать весь материал, а не только амфорный.

Наиболее ранняя группа амфорных комплексов IV в. до н.э. выделена С.Ю. Монаховым верно, она включает комплексы, содержащие клейменую гераклею керамическую тару с легендами, несущими только имя фабриканта. С.Ю. Монахов ограничивает данный период только первыми двумя десятилетиями IV в. до н.э. (С. 160–161), в то время как В.И. Кац сужает его еще больше и относит к более раннему времени – 415–400 гг. до н.э. (Кац, 1997. С. 214–216).

В настоящее время не известно ни одного закрытого комплекса, по которому мы могли бы синхронизировать или сблизить по времени деятельность двух последующих групп гераклеюских магистратов – более ранней (Ортесилай, Аристокл, Коас и НИК (–)) с более поздней группой (IA (–), ПА (–), ЛУ (–), ЕИК (–)) и примыкающих к ним – Молосс, Аристон, Стифон, Алкет, Динамарх, Орос и Кромний. Если первая, более ранняя, группа гераклеюских чиновников надежно (по ольвийскому складу 1947 года и погребению 51 1912 года некрополя Ольвии) синхронизируется с фасосскими магистратами Лавром и ТI (–), не позже 385 г. до н.э. по И. Гарлану (Garlan, 1986. Р. 232. Tabl. A), то вторая – более поздняя – синхронна фасосскому магистрату Клеофону, по комплексам Никоний подвал 1 1960 года и Порфмий яма 8 1968 года, – середина 60-х гг. IV в. до н.э. (Garlan, 1986. Р. 232. Tabl. A), и синопскому астиномному клейму Никомеда, по комплексу кургана 3 у с. Красное. Последнее датировано Н.Ф. Федосеевым около 365 г. до н.э. (Fedoseev, 1999. Р. 41).

С.Ю. Монахов частично синхронизирует две рассматриваемые выше группы на основании комплекса 32 из Горгииппии (С. 232–235. Табл. 96), который включает материал, охватывающий весь IV в. до н.э., и очень условного комплекса над названием “ямы и надскальный слой в I квартале Херсонеса” (С. 217–220. Табл. 91), где выявлен материал всего IV и начала III вв. до н.э. включительно. Для синхронизации керамических комплексов эти два объекта не могут быть использованы.

Если принять во внимание предлагаемую поправку, то получается достаточно устойчивая взаимосвязь в плане синхронизации керамического клейменения Фасоса, Гераклеи Понтийской и Синопы, но, что более важно, исчезает проблема “чистых” и “нечистых” комплексов. Причем среди фабрикантских клейм присутствует несколько имен,

не встречающихся среди фабрикантских клейм предыдущей группы комплексов (С. 236–237, 317).

Что касается более мелких замечаний по отдельным комплексам, можно выделить следующие.

Ошибочная дата (опечатка) приводится для керамики из комплекса левой погребальной камеры гробницы 4 некрополя Червитери – 650–630 гг. до н.э., а не 550–530 гг. до н.э., как в тексте (С. 37) (Dupont, 1998. P. 146. Fig. 23, 1, h.)

При рассмотрении комплекса Березанского колодца № 5 (С. 40–54. Табл. 4–7) автор совершенно справедливо выделяет милетскую амфору на сложнопрофилированном кольцевом поддоне, но не приводит аналогии, достаточно давно опубликованной из комплекса кургана 9 у с. Куцеволовка (Бокий, Ольховский, 1994). Данный комплекс, как и другие, относящиеся к третьей четверти VI в. до н.э. (Пантикапей яма 7 1957 года, Истрия, сектор Т, здание С, комплекс из Бон Порте у побережья Франции), не учитываются в рецензируемой работе (Абрамов, 1993. С. 5, 20). Все перечисленные комплексы объединяет наличие в их составе хиосских амфор с воронкообразным горлом – тип ГВ–1.

Замечания вызывает методика ввода в научный оборот комплекса амфор из ольвийской полужемлянки 1975 года. Единственный изученный автором сосуд – хиосская амфора с воронкообразным горлом. Клазоменская амфора известна ему только по фотографии. Однако для иллюстрации сосуда автор приводит прорисовку, включая профильные части другой клазоменской амфоры из ольвийского погребения 3 1937 года, которая имеет уникальные для данного центра производства метрические параметры, полностью совпадающие с метрическими параметрами хиосских амфор с воронкообразным горлом (С. 38. Ссылка 19. Табл. 3, 2).

С осторожностью необходимо подходить и к комплексу, который обычно обозначается как кораблекрушение около Донузлава (С. 163–165. Табл. 56). Амфоры и их фрагменты выявлены на расстоянии 150–220 м от берега на глубинах от 4.0–4.8 м от поверхности воды, в составе не менее трех скоплений на площади 80 × 90 м (Блаватский, 1964. С. 1–5. Рис. 1). Дальнейшие исследования в этом районе выявили материал, включающий фрагменты керамики от VI в. до н.э. до I в. н.э. (Петерс, 1964. С. 12, 13). Исходя из небольшой глубины, на которой выявлен материал, есть основания предполагать, что мы имеем дело скорее с остатками затопленной части поселения. Вряд ли мы имеем право рассматривать данный материал в качестве комплекса, тем более только по фрагментам, сохранившимся в Евпаторийском музее.

При рассмотрении комплекса ольвийского склада 1949 года учитывается только два сосуда: эолийская красноглиняная амфора и амфора фа-

сосского круга (С. 54–57. Табл. 8). Вне поля зрения исследователя осталась клазоменская амфора О49–2405, опубликованная Н.А. Лейпунской (Лейпунська, 1973. С. 56, 57. № 11/132). Не учитывается еще экземпляр эолийской амфоры с усеченноконусовидным дном, опубликованный позднее (Лейпунская, 1987. С. 100. Рис. 34, 9, 10). Все сосуда данного комплекса находят аналогии в афинском комплексе Q 12 : 3, который датируется около 520–480 гг. до н.э. С учетом, что основной материал комплекса не доступен для исследования, сужать дату до последних двух десятилетий VI в. до н.э. нет никаких оснований.

Маловероятным представляется и то, что нимфейский комплекс Д2 1976 года должен датироваться ранее комплекса Q 12 : 3 Афинской Агоры (С. 58). Наблюдения за изменениями стандартов хиосской керамической тары, представленной в обоих комплексах, свидетельствуют как раз об обратном.

Следующий важный комплекс, который стоит упомянуть, – керамика в заполнении колодца № 4 из раскопок 1990 года на о. Березань. Хронологию данного комплекса С.Ю. Монахов определяет первыми двумя десятилетиями V в. до н.э. (С. 77). Однако при внимательном рассмотрении материала оказывается возможным выделить материал как третьей четверти VI в. до н.э. (Табл. 14. Рис. 6–7), так и второй четверти V в. до н.э. (Табл. 14. Рис. 1, 11, 13. Табл. 16. Рис. 17–19) при полном преобладании материала конца VI–начала V вв. до н.э. Такое хронологическое распределение материала при единственной целой амфоре позволяет трактовать заполнение как целенаправленную засыпь колодца во второй четверти V в. до н.э. Немаловажно, что данный комплекс выбран не полностью, только до уровня грунтовых вод.

Не совсем обоснованной представляется и предлагаемая датировка первой трети V в. до н.э. комплекса амфор из Ольвии, яма 421 1979 года (С. 83–87. Табл. 21–22). Хотя из девяти хиосских амфор сохранилось только шесть и одна амфора круга Фасоса, хронологию этого комплекса по типу хиосских амфор в настоящее время можно определить достаточно надежно. Данный тип хиосской керамической тары датируется от 480 года до середины V в. до н.э., так как эти сосуды присутствуют в афинских комплексах после персидского разгрома, а последняя фаза их бытования опирается на хронологию комплекса № 7 : 3 Афинской Агоры (Boulter, 1953. P. 104, 105. Pl. 39, 150). Ольвийский комплекс относится к ранней фазе предлагаемого периода, как и патрейский склад 1991 года (Абрамов, 1994. С. 128–130) (С. 88–92. Табл. 24–25).

Занижена и датировка комплексов Ольвия, яма 69 1989 года (С. 97–98. Табл. 28) и кургана 12 у с. Стебелев (С. 99–101. Табл. 29). Оба комплекса содержат не самосские амфоры, как указано в тек-

сте, а, вероятно, аттические амфоры, находящиеся полные аналогии в комплексе № 7 : 3 Афинской Агоры (Boulter, 1953. P. 101, 102. Pl. 39, 147) и должны датироваться около 460–440 гг. до н.э., т.е. синхронны комплексу амфор из кургана 13 с. Великая Знаменка (С. 106–111. Табл. 33–35).

При анализе комплексов второй половины V в. до н.э. нельзя не согласиться с мнением С.Ю. Монахова, что важнейшим хронологическим индикатором в данном случае являются амфоры Хиоса, Фасоса и Менды, а также лесбосские сероглиняные амфоры (С. 117). Однако при этом надо учитывать и обстоятельство, выявленное при раскопках “Дома пунийских амфор” в Коринфе. Хиосская прямогорлая керамическая тара появляется не ранее 430 г. до н.э., т.е. после начала Пелопоннесской войны (Mattingly, 1981. P. 78). Так как данное обстоятельство в рецензируемой работе не учитывается, комплексы, содержащие хиосские прямогорлые амфоры, получают заниженную датировку: Ольвия, землянка 1979 года (С. 130–131. Табл. 42), Никоний, склад № 3 1960 года (С. 131–135. Табл. 43–44).

При рассмотрении склада амфор с поселения Сладките Кладенцы (С. 145–147) не учтенной осталась фрагментированная мендийская амфора (Лазаров, 1973. № 157) Характерная особенность данного комплекса – полное отсутствие гераклейской керамической тары, в изобилии представленной в складе № 2 того же поселения (С. 194).

Крайне важен выявленный С.Ю. Монаховым факт, что в комплексах, содержащих амфоры с ранними фабрикантскими клеймами Гераклеи Понтийской, присутствует только фасосская неклеяменная керамическая тара типа ШБ–2 (Абрамов, 1998. С. 9, 10). Данное обстоятельство, вне всякого сомнения, указывает на то, что практика регулярного клеймения на Фасосе возникла позже, чем в Гераклее Понтийской. При этом проблема абсолютных датировок регулярного клеймения как фасосской, так и гераклейской керамической тары сохраняется (С. 193). Вероятно, установленным можно считать факт появления неклеяменной синопской керамической тары в первой четверти VI в. до н.э. по комплексу ямы № 347 из Никония (С. 189–190. Табл. 73, 1). Не ясно утверждение, что амфора из данного комплекса имеет 3/5 стандартного объема. Это самый ранний синопский сосуд. С каким стандартом мы сравниваем его объем?

В этот же период появляются амфоры типа Пепарет I, по И. Гарлану, ранее – “Солоха II” (табл. 66, 2. Табл. 70, 1). К комплексам данной хронологической группы можно отнести: курган Двугорбая могила (С. 162–163. Табл. 55), курган 9 1909 года Елизаветовского могильника (С. 165–167. Табл. 57), колодец 1992 года из Херсонеса (С. 176–177. Табл. 64), курган Южный у ст. Елисаветинской на Кубани

(С. 177–179. Табл. 65), курган 19 1911 г. Елизаветовского могильника (С. 179–181. Табл. 66), погребение № 2 кургана 76 Елизаветовского могильника (С. 185–186. Табл. 70).

Вторая хронологическая группа для IV в. до н.э. опирается на клейма наиболее ранних гераклейских магистратов – Ортесилай, Аристокл, Коас и НИК(–), которым соответствуют фасосские, теперь уже с полным правом определяющиеся как биконические, амфоры типов ШБ–1 и ШБ–3 с клеймами ранних групп магистратов Лавра и ПИ(–) (амфоры и полуамфоры) (Абрамов, 1998. С. 10). К комплексам данной хронологической группы в первую очередь относится ольвийский склад 1947 года (С. 194–201. Табл. 75–78); Березань, склад 1968 года (С. 202–203. Табл. 79–80); погребение 51 1912 года некрополя Ольвии (С. 203–205. Табл. 81).

Третья хронологическая группа для комплексов IV в. до н.э. включает комплексы с именами гераклейских магистратов в сокращении IA (–), ПА (–), ЛУ (–), ЕИК (–) и примыкающими к ним Молосс, Аристон, Стифон, Алкет, Диномарх, Орос и Кромний. В комплексах рассматриваемой группы присутствуют фасосские амфоры как типа ШБ–3, так и, вероятно, более поздние варианты ША, ШВ–1 (Абрамов, 1998), но не выходящие за пределы первой половины IV в. до н.э. В этот же период появляется гераклейская керамическая тара, подражающая фасосскому образцу ШБ–3 (Табл. 100, 2) и амфоры типа Пепарет II, по И. Гарлану (Амперер, Гарлан, 1992. С. 20. Рис. 12) ранее определявшиеся как боспорские или херсонесские (Табл. 106, 4. С. 262). К комплексам данного хронологического периода следует отнести подвал № 1 1960 года из Никония (С. 227–229. Табл. 94), подвал № 2 1960 года из Никония (С. 229–232. Табл. 95), тризну кургана 5 группы “Пять братьев” Елизаветовского могильника (С. 251–253. Табл. 100), погребение 2 кургана 4 некрополя Никония (С. 253–255. Табл. 101), погребение 8 и тризну кургана 4 с. Первомаевка (С. 255–258. Табл. 102–103), погребение 72 1862 года из Пантикапея (С. 258–260. Табл. 104), яму 5 1987 года из Порфмия (С. 260–263. Табл. 105–106), яму 1951 года из Нимфея (С. 267–270. Табл. 110), курган зХ с. Петуховка (С. 272–274. Табл. 111), подвал 1970 г. из Никония (С. 274–276. Табл. 112), курган 4S с. Петуховка (С. 276–277. Табл. 113), Бердянский курган (С. 284–289. Табл. 117–120), яму 8 1968 года из Порфмия (С. 297–299. Табл. 124). Вероятно, к этому же периоду следует отнести и комплекс кургана 14 1909 года из Елизаветовского могильника, содержащий амфоры типа Пепарет I и Пепарет II (С. 311–313. Табл. 133).

К четвертой хронологической группе комплексов IV в. до н.э. необходимо, согласно С.Ю. Монахову, отнести комплексы, содержащие синопские амфоры с клеймами первой хронологической группы Б.Н. Гракова и фасосских магистратов

групп F и G по И. Гарлану (С. 320, 321). В данных комплексах присутствуют фасосские амфоры типа ШБ-2, ШВ-1 и характерные только для них ШВ-1, а также мендейская керамическая тара типа найденной в Мелитопольском кургане (Абрамов, 1993. С. 22).

Опорный комплекс – тризна кургана 3 у с. Красное (Серова, Яровой, 1987. С. 28–30; Монахов, 1997. С. 207, 208). Он представляет собой скопление фрагментов амфор в заполнении рва. Только одну гераклейскую амфору удалось реставрировать полностью. Одиннадцать гераклейских амфор изготовлены при магистрате Стифоне в мастерских Гераклида, Носса и Аристана (С. 20–21). На двух ручках синопских амфор засвидетельствовано клеймо астинома Никомеда I хронологической группы, по Б.Н. Гракову. О единстве комплекса свидетельствует сам его состав. С синхронностью составляющих данного комплекса согласилась Н.А. Павличенко (1992. С. 143).

К завершающим комплексам рассматриваемой хронологической группы относятся курган 8 группы “Пять братьев” Елизаветовского могильника (С. 358–362. Табл. 157–158), комплекс кургана 14 у с. Гюновка (С. 379–381. Табл. 167), погребения 9 1969 года из Вани (С. 382–283. Табл. 169) и колодца 269 из Горгишии (С. 383–386. Табл. 170).

Анализ последующих хронологических групп амфорных комплексов возражений не вызывает. Определяющими для конца IV – начала III в. до н.э. является эволюция гераклейской керамической тары, возобновление практики фабрикантского клеймения в данном центре и развитие синопских и херсонесских амфор. Клейма данных центров стали наиболее важными хронологическими индикаторами. Особо следует отметить выделение на северопричерноморских материалах керамической тары Книда конца IV в. до н.э. (табл. 191, 1; Табл. 192, 1; Табл. 193, 1–2). Для комплексов позднее середины III в. до н.э. наибольшее значение приобретает клейменная керамическая тара о. Родос и Синоп.

Несколько слов необходимо сказать о приложениях к рецензируемой работе. Приложение 1 “Указатель комплексов”, составлено удачно: в алфавитном порядке при соблюдении нумерации курганов и погребений, что в значительной мере облегчает работу с рассматриваемым изданием (С. 575–580). Аналогичное впечатление оставляет Приложение 2 “Указатель имен магистратов и фабрикантов”, которое содержит полный список имен, встречающихся на керамических клеймах рассматриваемых комплексов.

Не совсем ясен принцип подбора информации при составлении Приложения 3 “Метрические характеристики амфор”. Иногда привлекаются данные из сводок метрических параметров амфор предыдущих лет, например из сводки И.Б. Бра-

шинского (1980; 1984), иногда нет. В таблице хисосских амфор присутствует ссылка на рисунок, в других случаях указывается только номер таблицы или таблиц, иллюстрирующих комплекс. Как уже указывалось, во всех таблицах отсутствует такой важнейший параметр, как высота сосуда. В таблицах при этом имеется значительное количество сосудов, которые в монографии не рассматриваются. Приводимые данные по объемам амфор на основании обмерного чертежа представляются не совсем обоснованными.

Приложение 4 “Случаи синхронизации клейм гераклейских, фасосских и синопских магистратов по комплексам IV в. до н.э.”, на мой взгляд, наглядно демонстрирует несовершенство хронологической схемы, предлагаемой для этого периода (С. 627–635). В данной таблице практически отсутствуют комплексы, не “растянутые” по хронологии минимум на 15 лет. Список гераклейских магистратов является основой для составления данной таблицы, хотя более правомерен подход, исходящий из самих комплексов. Это обстоятельство наложило отпечаток на все разделы рецензируемой работы, охватывающие материалы IV в. до н.э.

Подводя итоги, необходимо отметить, что безусловной заслугой автора является ввод в научный оборот огромного количества нового, ранее недоступного для анализа материала. Тем не менее аналитическая часть данной работы: определение центров производства амфор, вопросы хронологии и типологии керамической тары отдельных центров производства – оставляет больше вопросов, чем дает на них ответы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамов А.П. Общие тенденции эволюции керамической тары Восточного Средиземноморья в VII–I вв. до н.э. // Традиции и инновации в материальной культуре древних обществ. М., 1990.
- Абрамов А.П. Античные амфоры. Периодизация и хронология // Боспорский сборник. 1993. № 3.
- Абрамов А.П. Патрей. Раскопки 1990–1991 гг. // Боспорский сборник. 1994. № 4.
- Абрамов А.П. Типология амфор Фасоса // Древности Боспора. 1998. Вып. 1.
- Амперер Ж.И., Гарлан И. Греческие амфорные мастерские // Греческие амфоры. Саратов, 1992.
- Блаватский В.Д. Отчет о I Донузлавской подводной экспедиции 1964 года // Архив ИА РАН. Р-1. № 2827.
- Бокий Н.М., Ольховский В.С. Раннескифский курган на Днепровском Правобережье // РА. 1994. № 2.
- Брашинский И.Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V–III вв. до н.э. Л., 1980.
- Брашинский И.Б. Методы исследования античной торговли (на примере Северного Причерноморья). Л., 1984.

- Гошев И.С.* Правила описания сосудов // Теория и прикладные методы в археологии. Саратов, 1994.
- Кац В.И.* Хронология клейм Гераклеи Понтийской (состояние и перспективы изучения) // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Одесса, 1997.
- Лазаров М.* Антични амфори (VI–I ст. пр. н.э.) от Болгарското Черноморие // Известия на народен музей Варна. 1973. Т. IX (XXIV).
- Лейпунська Н.О.* Класифікація амфор архаїчного часу з Ольвії // Археологія. 1973. № 8.
- Лейпунская Н.А.* Керамическая тара из Ольвии. Киев, 1981.
- Лейпунская Н.А.* Амфоры // Культура населения Ольвии и ее окружи в архаическое время. Киев, 1987.
- Монахов С.Ю.* Об амфорных комплексах “чистых” и “нечистых”, “узких” и “широких” // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Одесса, 1997.
- Павличенко Н.А.* К вопросу о времени бытования предлога ЕΠ в гераклейских клеймах // Греческие амфоры. Саратов, 1992.
- Петерс Б.Г.* Отчет о II и III подводно-археологических экспедициях ИА АН СССР // Архив ИА РАН. Р. 1. № 2827.
- Серова Н.Л., Яровой Е.В.* Григориопольские курганы. Кишинев, 1987.
- Якобсон А.Л.* Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979.
- Boulter C.* Pottery of the mid-fifth century from a well in the Athenian Agora // Hesperia. 1953. V. XXII,¹ 2.
- Dupont P.* Archaic East Greek Trade amphoras // East Greek Pottery. London; New York, 1998.
- Dupont P.* La circulation amphorique en mer Noire a l'epoque archaïque. Specificites et problems // Production et commerce des amphores anciennes en Mer Moire, 1999.
- Garlan Y.* Quelques nouveaux ateliers amphoriques a Thasos // BCH. 1986. Suppl. XIII.
- Grace V.R.* Standart pottery containers of the Ancient Greek World // Hesperia. 1949. Suppl. VIII,¹ 2.
- Mattingly H.B.* Coins and amphores – Chios, Samos and Thasos in the fifth century B.C. // The Journal of Hellenistic studies. 1981. V. CI.
- Monachov S.Ju.* Quelques series d'amphores greques des VII–V s. av. n.e. au Nord de la mer Noire // Production et commerce des amphores anciennes en Mer Noire. 1999.
- Fedoseev N.F.* Classification des timbres astynomoques de Sinope // Production et commerce des amphores anciennes en Mer Noire. 1999.

Институт археологии РАН, Москва

А.П. Абрамов